нокъ и ацустили по́ марю. Этотъ бо(а)чёнокъ прибило́ къ бе́регу и зашвыря́ло всево́ пескомъ.

Вотъ у етова старика [у отца убитаго сына] быкъ и забѣгалъ по́ двору, заревѣлъ. Этотъ старикъ вы́пусьтилъ ево. Онъ побѣжалъ,—старикъ за ёмъ. Прибѣгаетъ къ етому бе́регу, у которова бачёнокъ. Этотъ быкъ и давай нага́ми расшвы́ривать; вы́рылъ етотъ бачёна(о)къ. Старикъ ра(о)сколотилъ ево, выниматъ эти кусочки и размыва́тъ.

Прилетѣла варо́на и схватила ади́нъ кусокъ. Быкъ прижалъ ие́ нагой. Другая варона сѣла на́ сасну и говоритъ: „атпусьти!“—„Нѣтъ, не атпушшу́! Аддай мнѣ живой и мёртвой вады!“—Ана ему дала̀; онъ атпусьтилъ. Смазалъ мёртвой вадой эти кусочки,—ани́ срасьли́ся. По́дали ему живой воды, онъ а(о)живѣлъ.

И говоритъ: „Охъ, мало(а) спалъ, да рано(а) сталъ!“—Старикъ ему и говоритъ: „Ка́бы не(и) твой быкъ, ты бы и сейчасъ спалъ!“—„Охъ!“ говоритъ, да и спо́мнилъ.—„Дакъ ла́дно! моё не про(а)падётъ!“

Абжи́лся; канёшно, пришолъ къ имъ, на́нялся въ рабо́тъники и убилъ ихъ (жену свою).

---

58. [Кузнецъ и чортъ].

1. Жилъ былъ мужичокъ. *Ро́билъ* онъ въ ку́зьницѣ. У ево была картинка прибита на сьтѣнѣ́; на етой карътинкѣ было(ъ) нарисовано(ъ) сатана̀. И вотъ онъ какъ придётъ завтрикать и́ли абѣ́дать, — фсё плюётъ ета(о)му сатанѣ въ глаза̀.

Этотъ сатана паслàлъ сваёва чертёнка: „Иди, наймись къ ему въ работъники!“ — Онъ пришолъ къ и(е)му и говоритъ: „Дядюшка, вазьми меня *ро́бить*: я у те(и)бя *проро́блю* годъ да́ромъ, только науч(ш)и!“—Онъ сказалъ: „*Айда̀*!“

Етотъ черьтёно(а)къ годъ *праро́билъ*, два праро́билъ, патомъ, въ воскресёньё вышолъ за во(а)ро́ты и стайтъ. Врасъ идётъ старичокъ. Онъ скричалъ е(и)во: „Дѣдушка, ахо́та малодинькому быть?“—„Э, да ужъ какое ужъ мнѣ молодечество?“ — „А есьли ахо́та, дакъ *айда́*, перела̀жу!“ — А ето пришолъ е(и)во сатана.—„Фьсё равно умера̀ть-то! *Айда́*!“

Этотъ черьтёно(а)къ скричалъ своево́ хозяина; принесли́

угля́ ф ку́зьницу, разожгли́ горнъ; заста́вилъ хазяина дуть. Пало́жили етова старика на го́рнъ. Хазя́инъ ду́итъ, етотъ рабо́тьникъ е(и)во́—етава старика—повара́чиватъ на гарну́. Старикъ фъсё мало́же и мало́же, вы́ско(а)чилъ изъ го́рну—такой ли ма(о)ла(о)де́цъ!

Етотъ работъникъ спрашиватъ: „Старуха-та у тебя есь?“ — „Есь“. — „Ви(е)ди́! перела́димъ и е(и)ё!“ — Онъ сбѣгалъ, приве́лъ. Перела́дили старуху. Тоже такая ли моло́динька вы́шла!

2. А у етава хазя́ина баба была страшна́я. Онъ и говоритъ: „Давай мьнѣ ба́бу перела́димъ!“ — Этотъ работьникъ говоритъ: „Давай!“—Етотъ мужикъ па(о)бѣжалъ за ба́бо(а)й. Баба ре(и)вётъ, не(и)йдётъ. Онъ ие́ *сило́мъ* взялъ въ бере́мё и притасши́лъ. Звали́ли е(и)ё на го́рнъ и давай дуть. Хазяинъ ду́итъ, работникъ перевара́чиватъ. И сажгли ие́ фъсю.

Хазяинъ пасматрѣлъ, што баба сгарѣла. Черьтёнокъ ему и говоритъ: „Вотъ! — говоритъ: — станешь маёму сатанѣ въ глаза плевать?“—Самъ а(о)тпра́вился.

Етова мужика на судъ. И присудили ево на вѣсельницу. — Етотъ черьтёнокъ пришолъ къ нему: „Ни тужи! я тебя вы́руч(ш)ю“. — Kaнда павѣсили ево на вѣсельницу, етотъ черьтёно(а)къ три разъ переѣлъ пётлю, и ево [мужика] о(а)тпусьти́ли.